

УДК 821.161.1 – 1 “19”

Т.В. Горячева

**К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. СЕМЕНОВА
«ГРЕШНЫЙ ГРЕШНЫМ»**

Проблема исповеди как религиозно-культурного явления XIX–XX вв. и как литературного жанра привлекает внимание исследователей. Исповедь как жанр и как православное таинство подробно рассмотрена в работах М. Бахтина, К. Исупова, Н. Казанского, В. Карпунина, М. Михайловой, А. Пригариной, М. Уварова, Б. Хазанова, Г. Худяковой. Такой живой интерес ученых к проблеме не случаен, поскольку именно этот жанр позволил ряду выдающихся авторов русской литературы в полной мере выразить переживания внутреннего «я». Н. Гоголь, Л. Толстой, Ф. Достоевский развивали жанр литературной исповеди. Н. Гоголь в «Авторской исповеди» и Л. Толстой в «Исповеди», усмотрев в искусстве противоречие высшему религиозному закону, решают покаяться и отказаться от своего творчества. Произведения Ф. Достоевского по общему признанию наиболее приближены к жанру исповеди и часто в литературоведении их жанр определяется как «роман-исповедь». Как отмечает М. Бахтин, «дух» – «“глубины души человеческой”», – становясь «предметом объективно-реалистического, трезвого прозаического изображения» в творчестве Ф. Достоевского, дается как «дух самого автора, объективированный в целом созданного им художественного произведения, или как лирика автора, как его непосредственное исповедание в категориях его собственного сознания» [4, с. 77].

В связи с особой лирической исповедальностью эпохи XIX–XX вв. слово «исповедь» в значительной степени расширило и потеряло свое первоначальное значение. Под этим определением стало возможным объединить дневники, записки, письма и стихи совершенно разных людей, живших в одно время. Несмотря на некоторую размытость понятия, исповедь – самостоятельный жанр, восходящий к «Исповеди»

Блаженного Августина, носящий эпический или развитый главным образом романтиками лирический характер. Исповедь рассматривается как особый вид автобиографии, в котором представлена ретроспектива собственной жизни, но это не просто рассказ о прожитых днях, поскольку в нем присутствует оценка совершенных в прошлом действий и поступков, и «оценка эта дается перед лицом Вечности» [6]. В исповеди проявляется «философский взгляд на жизнь и космос, осмысление того, что есть Бог, и приведение своего внутреннего мира в согласие с его волей» [6], при этом на поверхность выходит внутреннее состояние человеческой мысли, можно увидеть развитие человеческой души. Нередко в исповеди присутствует стремление осуществить своеобразный акт публичного покаяния, сказать о себе как о раскаявшемся грешнике.

В статье делается попытка доказать, что жанр сложного по форме произведения Л. Семенова, относящегося к третьему периоду его творчества, «Грешный грешным» следует определить, как исповедь-дневник. Произведение состоит из трех частей: «Сестра Маша», «Отказ от войны» и «Во имя Отца и Сына и Св. Духа». Мы рассматриваем первую и вторую части произведения «Грешный грешным» («Сестра Маша» и «Отказ от войны») как литературную исповедь Л. Семенова. Жанр третьей части («Во имя Отца и Сына и Св. Духа») определен нами как дневник. Из предлагаемого слияния жанров «исповедь-дневник» доминирующим в произведении является первый, поскольку первая и вторая части произведения несут в себе признаки этого жанра.

Рассматривая жанровую природу текста под таким углом, мы вступаем в полемику с В. Баевским, который определяет жанр произведения как «роман-исповедь-дневник». Исследователь обращает внимание на то, что сам Л. Семенов иногда называл свой текст романом, но он «более всего он похож на мемуары; сильно развито исповедническое начало; возникают и записи типа дневниковых» [1, с. 474]. В. Баевский указывает на то, что, как часть замысла произведения «Грешный грешным», Л. Семенов рассматривал несколько рассказов: «Проклятие», «Городовые», «Смертная казнь», а также и

лирическую прозу, опубликованную в 1909 году [1, с. 474]. С точкой зрения В. Баевского сложно согласиться. По нашему мнению, жанр произведения «Грешный грешным» следует определить как исповедь-дневник, исключив из перечисления жанр романа.

В тексте «Грешный грешным» Л. Семенов неоднократно упоминает о замысле создать масштабное произведение – роман: «Стал задумывать “настоящий” роман из общественной жизни» [8, с. 261], «Еще писал я роман...» [8, с. 265]. Однако этот замысел писателя осуществлен не был. Л. Семенов опубликовал только несколько рассказов, которые впоследствии могли составить более объемное произведение и, соответственно, Л. Семенов называет романом не непосредственно свою исповедь «Грешный грешным», а задуманное им произведение.

Рассказы, которые, по мнению В. Баевского, должны были стать частью произведения «Грешный грешным», написаны литературным языком. В них практически отсутствуют даже наименьшие следы тех изменений авторского стиля, которые ученый подробно анализирует в комментариях. Настолько глубокие изменения в манере письма и выражения стали возможными, как представляется, после более длительного пребывания вне литературы, на что указывает ученый: «Внимательному читателю бросается в глаза разница в слого и пунктуации текстов 1900–1904 гг., когда Семенов создавал символистские стихи и “прозу поэта”, и в стихах и прозе 1907–1909 гг. – времени наибольшей близости к революционному движению, в письмах к Толстому, язык которых несет на себе следы влияния языка публицистики и писем Толстого, и записок ГГ [«Грешный грешным» – сокращение и курсив автора – Т.Г.] (1914–1917), в которых Семенов, казалось бы, не ставил перед собой, во всяком случае явно, никаких художественных задач» [2, с. 544]. Таким образом, произведение «Грешный грешным», как представляется, либо не имеет ничего общего с замыслом Л. Семенова 1906-го года создать «роман из общественной жизни» [8, с. 261], либо замысел пережил существенную трансформацию. Первое предположение, по нашему мнению, наиболее близко истине, поскольку писатель, осознав, насколько далеки

цели и методы революции от его духовных идеалов и стремлений, отказался от революционных идей и общественной деятельности.

Л. Семенов – один из немногих, кто, приняв решение порвать с эстетикой и «уйти», воплощает свое решение в жизнь, но личность Л. Семенова и его искания порой вступают в противоречие, что выливается в непоследовательность решений и поступков. Речь идет о том, что если разрыв со средой, взывающей, по мнению писателя, к порокам и хранящей столько соблазнов для души, представляется Л. Семенову как необходимость, как шаг, очищающий и освобождающий его дух, то уйти от того, что являлось частью его личности – писательства, – стало тяжелым испытанием для поэта. «Семенов не последователен, – пишет В. Баевский, – Он исихаст, запретивший себе печататься, – и художник слова, который буквально до последнего дня своей жизни не положил пера. Последнюю запись в *ГГ* он сделал за несколько часов до своей мученической смерти» [2, с. 545].

Примечательно, что утраченная цельность – страстное желание служить жизни и искусству одновременно, метания и как результат противоречивость взглядов – отразилась в пунктуации произведения «Грешный грешным». В. Баевский, детально изучив синтаксис писателя, отмечает, что в тексте можно встретить как «знаки молчания», в использовании которых Л. Семенов идет по пути «наращивания»: автор использует «расширенное многоточие и тире (...–)», так и «экстравагантные знаки повышенной эмоциональности: и !?. (восклицательный знак, вопросительный знак и точка), и !: (восклицательный знак и двоеточие)» [2, с. 545].

Л. Семенову все-таки удается пересилить свое литературное призвание и несколько лет (1910–1917 гг.) он не публикует ни одного произведения. Единственный текст, над которым он не переставал работать, – «Грешный грешным». Как представляется, это произведение не воспринималось Л. Семеновым как возвращение к литературе, поскольку оно лишено ее составляющих, главным из которых является художественный вымысел. История живой души – «Грешный грешным» состоит главным образом из записей Л. Семенова о событиях его жизни, которые проникают в текст и становятся его частью. О том,

что он вел дневник, автор сам сообщает в произведении: «“Еще мало, еще мало мне этого. Еще все-таки я счастливчик среди всех..... Уйти на шахты..... выпить всю чашу до дна”, – написал я после этого в дневник» [8, с. 281]. В одном из писем Л. Толстому от 15 ноября 1909 г. Л. Семенов признается, что ведет дневник: «... я иногда теперь кое-что записываю и со временем м.б. пошлю тебе» [8, с. 240].

Отказавшись от художественности и выдумки в литературе, Л. Семенов обратился к исповеди как к литературной деятельности, которая находится вне эстетики. На факте внеэстетичности исповеди настаивает и М. Бахтин [3, с. 210], М. Михайлова утверждает, что исповедь «можно вынести за пределы не только эстетической деятельности, но и речи вообще» [7]. Авторская, идущая вразрез со всеми правилами пунктуация текста исповеди «Грешный грешным», думается, призвана максимально имитировать устную речь. Л. Семенов стремился приблизить свой письменный текст к устной исповеди.

В хронологической канве жизни писателя, восстановленной В. Баевским, указано, что с 1915 года Л. Семенов становится на религиозный путь православия. Первая и вторая части текста «Грешный грешным» были написаны в период с 1914 по 1916 гг. Этот временной показатель представляется очень важным, поскольку Л. Семенов, пересматривая свою жизнь в духе ценностей и взглядов православия, нуждался в исповеди, стремился беспристрастно подытожить события своей жизни перед новым ее этапом. Л. Семенов выполнял евангельскую заповедь, призывающую исповедоваться – «Признавайтесь друг перед другом в проступках...» (Иак. 5:16), – как и много лет назад, когда «живая потребность засвидетельствовать перед другим человеком свое покаяние и тем крепче связать себя с новыми решениями» привела Л. Семенова к Л. Толстому [8, с. 296]. Текст «Грешный грешным» – это исповедь, прежде всего, перед самим собой, чтобы убедиться в чистоте своих мыслей и желаний. Во вступлении Л. Семенов писал: «Бывают дни у человека, когда какие-то невидимые силы особенно сильно возвращают дух человека, заставляют оглянуться назад, на себя, на все пройденное им прошлое, чтобы еще вернее оценить все, что с ним было и глубже, чем это было тогда, когда это было им

переживаемо и тем тверже стать на найденном пути» [8, с. 249]. Ко времени последней записи в 1917 году происходит «новый и последний духовный переворот» [5, с. 361] – Л. Семенов принимает решение вернуться в лоно церкви и готовится принять сан священника.

Подтверждением того, что перед нами жанр исповеди является то, что Л. Семенов обнажает душу до максимальной глубины. Желания и соблазны, стремления, искания, сексуальное влечение, раскаяние и самобичевание, гордыня – ничто не скрыто, все оттенки внутренних переживаний и искреннее раскаяние находят выражение в слове: «к прежним соблазнам (художественность, честолюбие, самолюбие и другие) прибавились новые, и из них самый острый и страшный для юного возраста: соблазн половой похоти» [8, с. 254]. Пересматривая свою жизнь в духе «новой» системы ценностей, Л. Семенов предельно откровенен и безжалостен в оценке своих поступков. Первые годы в университете – период увлечения символизмом – Л. Семенов называет «самыми позорными и гадкими годами» своей жизни [8, с. 254].

«Грешный грешным» – это хроника жизни души писателя. Внешние обстоятельства жизни проникают в текст саморефлексии Л. Семенова, но являются лишь материалом, с которым работает внутреннее «я» писателя. Внутренний духовный путь доминирует в тексте. Внешние события и поступки включаются в текст исповеди с целью их оценки и раскаяния.

Философская глубина произведения раскрывается в осмыслении Л. Семеновым того, что есть Бог и каким образом его внутренний мир соотносится с Богом и его волей. Писатель признается, что однажды поставив этот вопрос, он не переставал искать ответ. Эти искания отразились в лирике поэта. В произведении «Грешный грешным» Л. Семенов приводит текст стихотворения «Свеча», в котором, по его мнению, «вылилось» то, что он считал «самым постоянным и положительным Светом в себе» [8, с. 250]. Писатель оставляет только те строки, в которых отразилась суть его размышлений: «Я пустынею робко бреду / и несу ей свечу восковую. <...> / Кем, зачем мне она вручена? / Я не знаю, пред тайной робею... / Но не мною свеча зажжена, / и свечи загасить я не смею...» [8, с. 10]. Далее Л. Семенов

писал: «Это стихотворение я любил тогда, но и много позднее часто служило оно мне удовлетворительным ответом на все самые тяжелые вопросы жизни и предупреждало от мыслей о самоубийстве. Но сознание, которое вылилось в нем, сознание зависимости моей жизни от Кого-то Неведомого, Который дал мне жизнь и Которому я должен поэтому дать отчет в ней, было все же для меня неясно. Кто Он? Этого я не знал. Бог ли он, вневременное вечное начало над нами, – Единственный и Всемогущий Судья и Творец наш, – или только история человечества, слепые и таинственные силы, создавшие меня в потоке времени и вынесшие на их поверхность; чтобы здесь явил я накопленное ими содержание свое другим» [8, с. 250]. Л. Семенов с раскаянием пишет о времени, когда он жил без Бога, об отсутствии смысла во всем, о его стремлении быть причастным к великой тайне и о том, что проводником на пути воссоединения с ним стала М. Добролюбова. Писателя одолевали сомнения в том, «что есть вообще конечный смысл и высшая ценность всего» [8, с. 255]. «Не верил в Бога», – пишет Л. Семенов и сравнивает тоску и неприютность своей души в этот период с листком, оторванным от дерева: «Был как листок, оторванный от родимого дерева и гонимый ветрами то туда, то сюда, листок, для которого нет ни низа, ни верха» [8, с. 255]. Интересно, что и этот образ, наряду с образом «свечи», упоминается в лирике писателя: «Я как дуба листок. / Бушевала гроза, / Подняла меня буря до солнца...» [8, с. 68].

С предельной откровенностью рассказывает Л. Семенов о своих отношениях с М. Добролюбовой. Она стала земным воплощением Софии – образом, ко встречи с которым так стремился Л. Семенов-символист и в итоге обрел ее после отказа от символизма. Писатель обнажает каждую мысль, каждое движение души, которые были вызваны в нем чувством к Марии Александровне. Он описывает, как развивались их отношения, стремясь детально показать свое духовное преображение, происходящее под влиянием сестры Маши, трансформацию чувства любви, переживаемую им после встречи с нею. Восприятие М. Добролюбовой как земной женщины, очаровательность ее внешними данными любовь к ней сменяются поклонением

ей и постижением всемогущества Бога, который создал человека. Л. Семенов так формулирует эту эволюцию: «Была она одарена Богом такой наружной еще невиданной мною красотой плоти, что меня, как человека в то время плотского, должно было это особенно поразить. Был же я в то время, как я уже говорил, человеком, не верующим в Бога, а одна из черт неверия в Бога есть та, что на все он смотрит плотскими очами, т. е. не видит за плотью духа и тем самым будит в себе плотские, а при виде красоты женской и страстные, хотя бы и очень тонкие, движения, и вот думаю: – и нужно было мне, человеку смрадному, плотскому, чтобы Бог, возжелав спасти меня и зная мое рабство плоти, послал мне навстречу девушку той дивной неземной красоты плоти, чтобы уже в самой плоти, в красоте ее почувствовал я всемогущество Того, Кто за ней, и Ему бы через это поклонился» [8, с. 259].

Общение с Марией Александровной заставило поэта пересмотреть свою систему ценностей. Хрупкая внешне, но очень сильная духом, она воспринимала жизнь как время, предоставленное человеку для того, чтобы творить добро и становиться духовно богаче. Восприятие жизни в таком ключе было близким Л. Семенову. В результате общения с М. Добролюбовой писатель утвердился в мысли о том, что литература и искусство не соприкасаются с реальной жизнью, а напротив, обманом заставляют человека забыть о ней. Он писал: «Решимость стать лучше, которая понемногу и сама собою возникла во мне к этому времени, а теперь окрылилась встречей с ней, пока проявлялась только в попытках более строго отнестись к своему писательству. Оставил писать стихи о разных мигах, плясках и тому подобном, которых стал так стыдиться при ее имени, что готов был даже вырвать их из только что напечатанного моего сборника стихов» [8, с. 261].

М. Добролюбова направила Л. Семенова на путь постижения Бога. После ее смерти ее дневник – «беседа» с Богом служили «священным заветом» [8, с. 287] для писателя, ведь в них, пишет он, «раскрывается то, что оставалось для меня тайной в общении с ней..... ее любовь к Богу.....» [8, с. 294]. Л. Семенов познает Бога через восприятие М. Добролюбовой, отраженное в ее письмах и дневниках.

В повествовании Л. Семенов задерживается на своих переживаниях в момент принятия решения об «уходе». Автор воспринимает это решение, как свое прозрение и перерождение под влиянием Божественного откровения, данного ему в момент, когда он особенно нуждался в духовном наставлении. «Тишина обступила меня, когда я вышел из поезда. Было раннее весеннее утро. Люди еще спали, только птицы чирикали кругом, и вставало ясное солнышко», – так начинается свой рассказ Л. Семенов [8, с. 295]. Нельзя не отметить францисканское мировосприятие, свойственное писателю, которое, проникает в дальнейшие его размышления: «Но люди не знают, сколько духа кругом, они себя только считают одухотворенными. Дух же не есть ум, которым только и жил я почти это время. Это только очень малая способность их, которою они отличаются от животных. А дух есть нравственная сила, и область ее – покорность, безропотность, радость и трепетность жизни, бессмыслие, глубина, покой и все вместе преданность Вечному, – те самые силы, которые разлиты и в солнце, и в камышах, и в цветах, и в зверях» [8, с. 295]. Слабость человека, его нежелание видеть Бога во всем, что его окружает, отречение от природы ради города, по мнению писателя, обедняет его жизнь, приводит к тому, что его существование становится бессмысленным. Он утверждает, что постигая природу, человек поймет ее божественность: «Одна собака иногда способна оказать человеку больше помощи, чем десять умов. И вот то, что не могли мне сказать ни люди, оглушенные своею жизнью в городе, ни книги их, ни мои мысли в их душном плену, то сказали мне теперь прыгающие белки с сосны на сосну и старогодний мох и песок» [8, с. 295]. Л. Семенов обнажает душу, облакает в слова свой внутренний голос, звучавший в нем в момент принятия решения порвать со всем, что мешает ему приблизиться к Богу: «Трудно, трудно тебе, Павел, идти против рожна, прозвучал здесь голос во мне из деяний апостольских, и вдруг понял его. Оставить, оставить все. “Возьмите иго Мое на себя и бремя Мое, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко”». Стать нищим, каким был избитый в участке. Забыть все, забыть всю мудрость твою, всю ученость, совлечься всего. Если не будете беззаботны как дети, не

возможете войти в Царство Небесное. Взгляните на птицы небесные, и на лилии полевые, они не сеют, не жнут.... Вот к чему зовет Он меня. И Он Сам или это только Ангел Его тихим веяньем вдруг точно стал рядом со мной, Всепрощающий, Всепримиряющим, Невидимый, Неслышный, но ясно чувствуемый, Всемогущий. Не мог больше противиться. Поверил зову. Решился.... и просто стало все вдруг, как камень свалился с шеи, улыбнулась земля и небо, и воздух, и лес кругом. Я брат их и сын их и сын одного с ними Отца, ибо захотел их покоя и Его вечности. Да будет же отныне Он со мной. Так случилась радость рождения» [8, с. 295].

Жанр третьей части «Во имя Отца и Сына и Св. Духа» определен нами как дневник. Оформив в слове итог своей жизни (речь идет о первых двух частях произведения), Л. Семенов переходит к несколько иной форме повествования. Он ведет повседневные датированные записи, при этом не отходит от своего принципа предельной искренности и откровенности высказывания.

Открывается третья часть записью, датированной «1917 года 4-го Ноября суббота» [8, с. 329], в которой Л. Семенов пишет о своем посещении Оптиной пустыни: «чудно и странно мне было после почти 20-летнего отступничества вступать опять в храм Божий» [8, с. 330]. С трепетом говорит он о своем «возвращении», воспринимая его как свершение «чуда Божьего» [8, с. 330]. В тексте чувство радости обретения Бога и убежденность в правильности своего выбора смешивается с чувством вины перед Л. Толстым: «Я тот, которому когда-то Лев Ник<олаевич> Толстой писал, что он полюбил меня больше, чем хочет, и что не перестанет меня любить даже тогда, когда я изменю себе, – я изменил Льву Ник<олаевичу>, я перестал быть Толстовцем, я уверовал во Христа и Его Пречистую Матерь и со страхом Божиим и благоговением приобщался Святых и страшных Христовых Тайн и почувствовал возрождение жизни» [8, с. 330].

Рассуждения о Боге и вере – сквозная тема дневника. Л. Семенов осмысливает свой путь религиозных исканий и новый этап, к которому он пришел. Христианство представляется поэту оплотом, в котором человек может найти убежище и спасение: «...в одной только

христианской религии, в Богооткровенном учении ее о Боге Троице, приоткрывается для нас как бы малость завесы о самой внутренней тайне, самой жизни Божества в нем самом. Господи! какая неизглаголанная премудрость Бога Отца – который предает Сына Своего едиnorodного за грехи всего мира и Духом Святым управляет вселенной...» [8, с. 339]. Каждая запись заканчивается обращением к Богу – короткой молитвой, в которой Л. Семенов просит о наставлении и милости ко всем людям.

На страницах дневника радость души человека, возвратившегося к духовным корням, сосуществует с описанием горя и боли от утраты близких людей. Трагедия человека, семьи и страны предстает перед читателем. Записи этих дней повествуют о попытке убийства брата Рафаила Дмитриевича и последовавшей вскорости за ней смерти отца. «Документалист» Л. Семенов пишет и о страшных событиях, происходящих в стране: «Вместе с этим известием пришли, наконец, из Москвы и Петрограда первые газеты после 2-хнедельного перерыва. Всюду хаос, массовые убийства, братоубийственная война, развал единой России на многие отдельные республики, отсутствие всякой власти, анархия, надвигающийся голод» [8, с. 335].

Последняя запись в дневнике датирована 18-м ноября. Это необычное, сложное произведение так и не было завершено в связи со смертью писателя, а его рукописи чудом уцелели в окаянные дни. «Грешный грешным» – это масштабное полотно жизни и исканий Л. Семенова, написанное уже зрелым человеком, как бы со стороны смотрящим на свой жизненный путь. Хотя форма записей несколько меняется, основные черты стиля, который избрал Л. Семенов после «ухода», на страницах третьей части сохраняются. Таким образом, предложенная в статье концепция жанровой природы произведения как «исповеди-дневника» является обоснованной, так как наиболее полно раскрывает природу самого сложного итогового произведения Л. Семенова, которое, без сомнения, может занять место в одном ряду с исповедями Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского.

Література

1. Баевский В.С. Жизнестроитель и поэт / В.С. Баевский // Семенов Л.Д. Сихотворения. Проза. – Москва: Наука (Литературные памятники), 2007. – С. 439-502.
2. Баевский В.С. Примечания / В.С. Баевский // Семенов Л.Д. Сихотворения. Проза. – Москва: Наука (Литературные памятники), 2007. – С. 503-553.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин – Инст. мир. лит. им. М. Горького РАН. – М.: Изд. русские словари языка славянской культуры, 2003. – Т. 1. – 957 с.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 тт. / М.М. Бахтин – Инст. мир. лит. им. М. Горького РАН. – М.: Изд. русские словари языка славянской культуры, 2000. – Т. 2. – 799 с.
5. Зилонский А.Д. (Семенов-Тянь-Шанский А.Д.). История одной жизни [Републикация Баевского В.С.] // «В рассеянии суще...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15 – 16 февраля 2005). – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006 – С. 303-373
6. Казанский Н. Исповедь как литературный жанр / Н. Казанский // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук ; гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Собрание, 2009. – Т. 6. – С. 73-90. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm
7. Михайлова М. Молочание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) / М. Михайлова // Пространство и время исповедального слова: Материалы международной конференции. – СПб.: Изд-во Института Человека РАН, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/mikhailova_mv/confess_02.html
8. Семенов Л.Д. Сихотворения. Проза / Л.Д. Семенов [Подготовка издания, примечания В.С. Баевского]. – Москва: Наука (Литературные памятники), 2007. – 578 с.

Анотація

Т.В. Горячева. До питання про жанр твору Л. Семенова «Грішний грішним».

У статті авторка робить спробу довести, що жанр складного за формою твору Л. Семенова «Грішний грішним», який відноситься до третього періоду його творчості, має бути визначений як сповідь-щоденник. Перша і друга частини твору «Грішний грішним» («Сестра Маша» та «Відмова від віїни») розглядаються дослідницею як літературна сповідь Л. Семенова. Жанр

третьої частини («В ім'я Отця і Сина і Св. Духа») визначений як щоденник. З запропонованого злиття жанрів «сповідь-щоденник» домінуючим є перший, оскільки перша і друга частини твору мають ознаки цього жанру. Висновки зроблені на тій підставі, що у творі присутні такі риси, як ретроспектива життя письменника, яка супроводжується оцінкою дій і вчинків у минулому. Оцінка, у свою чергу, дається з точки зору взаємовідносин людини з Богом. До рис, які притаманні щоденнику, відноситься те, що письменник веде щоденні записи, в яких він незмінно слідує своєму принципу граничної ширості та відвертості висловлювання.

Ключові слова: жанр, злиття жанрів, сповідь, щоденник, автобіографія.

Аннотация

Т.В. Горячева. К вопросу о жанре произведения Л. Семенова «Грешный грешным».

В статье делается попытка доказать, что жанр сложного по форме произведения Л. Семенова, относящегося к третьему периоду его творчества, «Грешный грешным» следует определить, как исповедь-дневник. Первая и вторая части произведения «Грешный грешным» («Сестра Маша» и «Отказ от войны») рассматриваются как литературная исповедь Л. Семенова. Жанр третьей части («Во имя Отца и Сына и Св. Духа») определен как дневник. Из предлагаемого слияния жанров «исповедь-дневник» доминирующим в произведении является первый, поскольку первая и вторая части произведения несут в себе признаки этого жанра. Выводы сделаны на том основании, что в произведении присутствуют такие черты, как ретроспектива жизни писателя, которая сопровождается оценкой совершенных в прошлом действий и поступков. Оценка, в свою очередь, дается с точки зрения взаимоотношений человека с Богом. Дневниковость проявляется в поденности записей, в которых автор не отходит от своего принципа предельной искренности и откровенности высказывания.

Ключевые слова: жанр, слияние жанров, исповедь, дневник, автобиография.

Summary

T.V. Goryacheva. The Question of Genre of the Work by L. Semenov «A Sinful to the Sinful».

The author of the article makes an attempt to prove that genre of a complicated work by L. Semenov «A Sinful to the Sinful», which was being written

from 1914 to 1917 (the third period of Semenov's life as a writer), should be defined as a confession-diary. The first and the second parts of «A Sinful to the Sinful» («Sister Masha» and «Refusal to Fight in the War») are considered as L. Semenov's confession in literature. Genre of the third part («In the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit») is defined as literary diary. In the offered blend of genres «confession-diary» the first one is dominant, since the first and the second parts of «A Sinful to the Sinful» have the signs of it. Conclusions are based on the fact that the work presents a retrospective of the writer's life and appraisal of his past actions and decisions from the point of view of his relationship with the God. The sign of literary diary genre is daily written entries in which the author keeps to his main principle of sincerity and candour.

Keywords: genre, blended genre, confession, diary, autobiography.

Інформація про автора

Горячева Тетяна Вікторівна: ORCID: 0000-0001-5502-6708; кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна